

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

УДК 81-116

Н. В. Городкова, Е. В. Рахилина

О валентной структуре предметных имен

Статья продолжает серию работ по исследованию сочетаемости русской предметной лексики в рамках проекта "Лексикограф". Данная работа опирается на такую теоретическую модель семантики имени, согласно которой в структуре большинства имен содержится функциональный предикат со своим набором валентностей. Ставится задача проследить процедуру наследования этих валентностей именем и установить правила их поверхностного выражения при нем.

ВВЕДЕНИЕ.

Настоящая статья опирается на материал базы данных по русской лексике "Лексикограф. Предметные имена", разработанную в Отделе теоретических и прикладных проблем информатики ВИНТИ РАН. Подробное описание данной части Базы содержится в [1]; полное описание концепции глагольного фрагмента базы приведено в [2].

На основе результатов семантического анализа русских предметных имен, представленных в Базе в системном и доступном для пользователя виде, был проведен целый ряд исследований сочетаемостных особенностей этих лексем. Данная статья продолжает эту серию работ (ср. [3, 4] и посвящена описанию той зоны сочетаемости, которая мотивирована валентной структурой имени. По нашему мнению (см. подробнее [5]), в семантическом представление большинства предметных имен встроен функциональный предикат со своим набором валентностей. Поверхностно эти валентности выглядят как собственно именные, но семантически само их присутствие при имени, а иногда даже и конкретный способ их поверхностного выражения, мотивирован этим предикатом. Например, *автобус* — это транспортное средство, такое, которое *перемещает* пассажиров по определенному маршруту — из пункта А в пункт Б; *экран* — это *приспособление*, такое, которое *защищает* человека от неблагоприятных условий среды. В морфологической структуре имен *автобус*, *экран* и им подобных не содержится прямых указаний на предикаты 'перемещать' и 'защищать' (как это можно наблюдать у лексем *изобретатель*, *изобретение*) — они являются встроенными не в поверхностную морфологическую, а в "невидимую" семантическую структуру*. Между тем, сочетаемость имен во много-

гом подчинена этим предикатам: мы говорим *автобус в Можайск/из Клина* или *экран от радиоактивного излучения*, заполняя валентности "невидимых" предикатов в толковании имен.

Сама идея поиска предикатной составляющей в структуре имени используется в некоторых других описаниях предметной лексики. В частности, этот подход лежит в основе формального представления имен в концепции группы Брендайского университета, которая работает под руководством Дж. Пустееевского (см., в частности, [7, 8]). В этой модели имя *нож* оказывается связано с предикатом *резать*, имя *пиво* — с предикатом *пить* и т. д. [8: 100], так как эти предикаты отражают стандартную функцию предмета, обозначаемого именем и могут быть сравнительно легко вычислены, если обратить внимание на способ его функционирования. Однако в модели Пустееевского, которая, по аналогии с "Порождающей грамматикой" Хомского, называется "Порождающим словарем" (The Generative Lexicon) никак не разработана проблема описания той именной сочетаемости, которая должна быть семантически унаследована от встроенных предикатов.

Заметим, что функциональный предикат обычно включается в толкование артефактов и в толково-комбинаторном словаре (ср. [9]). Так, толкование слова *окно* [9: 488] содержит компонент ' \dots предназначено для обзора со стороны $Y \{\dots\}$ ландшафта Z ', и соответствующая модель управления имени *окно* учитывает все эти валентности предиката со значением 'обозревать': ' $2=Y$ ' "для кого обзор"; ' $3=Z$ ' "на какой элемент ландшафта обзор". Легко видеть, что в этом отношении модель "Смысл \leftrightarrow Текст" по сравнению с "Порождающим словарем" Дж. Пустееевского оказывается более продвинутой.

* В этом смысле более эксплицитно 'встроенность' функционального предиката в имя артефакта проявляется в английском языке, где существительное и соответствующий глагол морфологически выражены одинаково, ср. *button* 'пуговица' — *to button* 'пришивать пуговицу; застегивать на пуговицу'; *hammer* 'молоток' — *to hammer* 'бить, вколачивать'; *butter* 'масло' — *to butter* 'намазывать маслом'. В таких случаях возникает другая проблема — проблема (в том числе формального) описания полисемии такого рода, подробнее об этом см., например, [6].

В принципе, признание процедуры наследования именем предикатных валентностей должно было бы поставить вопрос о способе выражения этих валентностей — между тем такая задача в лингвистической литературе даже не затрагивается. Данная работа предполагает хотя бы частично заполнить эту лакуну. Нас будут интересовать способы выражения валентностей, не являющихся субъектно-объектными, т. е. валентности адресата, содержания, места и под. Такое ограничение материала объясняется не только содержательными лингвистическими причинами (а именно, тем, что способ выражения субъектной и объектной валентностей в русском языке значительно более предсказуем: в основном это либо посессивность, либо родительный падеж), но и задачами дальнейшей разработки лингвистического обеспечения именной базы "Лексикограф". Дело в том, что в БД (в том числе и по техническим причинам, связанным с оптимизацией скорости поиска) имеется всего три поля для отражения валентной информации, которая, следовательно, должна быть соответствующим образом расклассифицирована. В процессе формирования базы был выбран самый естественный принцип классификации: более "простые" с семантической точки зрения и одновременно более частотные первая и вторая валентности имени занимали два первых поля, а вся остальная информация записывалась в третье поле. Теперь нам необходима классификация семантических валентностей третьего поля и способов их выражения. Это и составляет задачу статьи. Ниже мы последовательно рассмотрим следующие приименные валентности, "найденные" в нашей БД:

- валентность места;
- валентность содержания;
- валентность реципиента;
- валентность мотивировки;
- валентность материала;
- валентность контрагента;
- валентность конечного пункта.

Этот список (составляющий оглавление настоящей статьи) является подмножеством подробного инвентаря глагольных семантических валентностей, приведенного в [10: 125–126]. Исключение здесь составляет валентность материала (ср.: *плов из баранины*), которая не свойственна глаголам. Как известно, имена имеют не только "свои" валентности, но и "свои" способы выражения одинаковых с глаголом валентностей (ср., в частности, — помимо знаменитого приименного генитива для выражения субъектно-объектного отношения — примеры типа: *учить алгебре — учитель по алгебре*). В принципе, регулярными морфологическими способами выражения валентностей имен являются:

- отыменные прилагательные (ср. *гречневая каша*).
- генитив (ср. *пассажир автобуса*),
- предложно-падежные конструкции (ср. *штраф за превышение скорости*).

Мы предполагаем описать распределение конкретных конструкций между типами валентностей.

При этом главный акцент будет делаться не на **описании**, а на **объяснении** различий в выборе способа поверхностного выражения валентности для разных групп имен.

1. ВАЛЕНТНОСТЬ МЕСТА (LOC).

Группа имен, обладающих локативной валентностью, является самой представительной в нашей выборке. Вместе с тем, несмотря на то, что речь идет об одной и той же с семантической точки зрения валентности, группа оказалась не гомогенной по способу ее поверхностного выражения и отчетливо разбивается на несколько подгрупп, каждая из которых требует специального обсуждения:

1. Имена с синтаксически обязательной и единствено возможной локативной валентностью;
2. Имена с "запрещенным" генитивом;
3. Имена с несколькими свободными валентностями;
4. Другие имена с локативной валентностью.

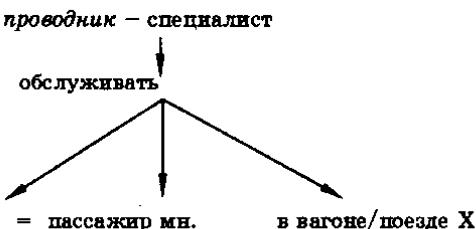
1.1. Имена с синтаксически обязательной и единствено возможной локативной валентностью.

Примеры имен данной подгруппы: *академик, актер, гражданин, портье, жилец, проводник, кондуктор, рабочий, народ, внутренний орган, обстановка, студент, гарнизон* и др.

Особенностью этих имен является то, что первая — субъектная — валентность встроенного предиката оказывается у них кореферентна таксономическому классу лексемы, т. е. актант, заполняющий эту валентность, представлен названием класса (что в БД обозначается знаком "=" в соответствующем поле). Вторая — объектная — валентность имени либо отсутствует вообще, как например, у лексемы *жилец*:

либо занята константой и не имеет поверхностного выражения, как у лексемы *проводник*:

Тем самым, в действительности (несмотря на наличие в БД трех заполненных полей — "ограничений") реальных, т. е. свободных валентностей у имен данной подгруппы меньше, нежели предполагается механизмом наследования: способной быть поверхностно выраженной является только одна — синтаксически обязательная — третья валентность. Традиционно у всех представителей данной группы эта валентность характеризуется

как локативная: именно локативная интерпретация возникает из анализа соответствующих денонативных ситуаций. Так, пассажир — это человек, который едет в транспортном средстве, т. е. находится в нем; жилец — человек, который живет в квартире, т. е. опять-таки как бы по определению находится в этой квартире, офицант работает в соответствующем учреждении, народ живет в определенной стране и т. д. (см. списки слов данной подгруппы). Анализ денонативной ситуации заставляет “видеть” в этих случаях предикат с локативной валентностью типа ‘живь’, ‘обитать’ или ‘находиться’ и ожидать привычной локативной предложно-падежной поверхностной маркировки типа: *пассажир в автобусе (вместо правильного: пассажир автобуса; *кондуктор в трамвае (вместо: кондуктор трамвая; *жилец в квартире № 15 (вместо: жилец квартиры № 15; *народ в Испании (вместо: народ Испании или: испанский народ), *студент в университете (вместо: студент университета и под. Между тем, как видно уже из приведенных примеров, такая именная валентность не может быть выражена предложным сочетанием, а выражается либо только генитивом, либо генитивом или отыменным прилагательным*. Причиной этого является единственность и одновременно синтаксическая обязательность этой валентности для данной подгруппы имен. Данное семантическое отношение оказывается для имени чрезвычайно привилегированным — фактически уникальным, и поэтому кодируется “привилегированным” способом, который используется прежде всего для субъектно-объектных отношений**.

Замечание

Конечно, здесь можно было бы принять другое описательное решение, а именно: считать, что соответствующий встроенный предикат каждого из этих имен не трех-, а двухвалентен: например, жилец не ‘живет в’, а ‘занимает’ квартиру, народ ‘населяет’ страну и т. д., — тогда бы проблема семантической мотивированности генитивного оформления снималась сама собой, так как для объектной валентности генитив абсолютно естествен. Однако с семантической точки зрения, как нам кажется, это было бы слишком натянуто и неудобно (каждый раз требовалось бы выбирать предикат в зависимости от способа поверхностного оформления актанта!), тогда как признание генитива падежом, не связанным с определенным “семантическим местом” имени, способным маркировать любой, но привилегированный его аргумент, вполне согласуется с общей картиной валентного кодирования (см. ниже).

Остается понять общий принцип, по которому имена подгруппы делятся по способу оформления валентности на генитивные и генитивно-атрибутивные. Рассмотрим это деление более внимательно.

(а) Лексемы, для которых предпочтительной формой реализации валентности места является генитивная конструкция: *академик*, *пассажир*, *жи-*

лец, *портье*, *кондуктор*, *проводник*, *матрос*, *студент*, *офицант*, *штат 1*, ср.: *кондуктор трамвая*; *пассажир автобуса*, *жилец квартиры № 15*, *студент университета* и т. д. (Конструкции типа ‘трамвайный кондуктор’, ‘автобусный пассажир’ явно нестандартны и, если допустимы, то лишь в качестве “ведомственных” окказионализмов).

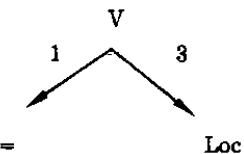
Общим семантическим признаком слов разряда (а) является независимость локативного отношения от его качественной специфики: проводник спального вагона не имеет специальных качественных характеристик, отличающих его от другого проводника, кондуктор трамвая в принципе тождествен кондуктору автобуса, жилец одной квартиры — жильцу другой. В случае же, если в семантике слова присутствует качественная специфика отношения, наряду с генитивом оказывается возможным отыменное прилагательное. По этому признаку выделяется разряд лексем (б).

(б) Примеры лексем, для которых возможны адъективно-генитивные формы выражения валентности места: *народ*, *население*, *граждане*, *гарнизон*, *герой*, *артист*, *спектакль*, *обстановка*, *текущее*, *водоросли* и под., ср.: *население города* — городское население, *спектакль московского театра* — театральный спектакль, *герой сказки* — сказочный герой. При этом генитивная и адъективная конструкции различаются по смыслу. Так, *население Испании* — это совокупность людей, населяющих Испанию, т. е. проживающих на территории Испании, тогда как *испанское население* — это население, качественная специфика которого в его испанской национальности, поэтому в отличие от генитивной, атрибутивная конструкция может относиться не только к собственно населению Испании, но и к людьми испанского происхождения, проживающими на территории другого государства (ср. здесь *испанское население Америки*, которое может быть противопоставлено (по качественной специфике) *иранскому*, *африканскому* (и др.) *населению Америки*). Именно качественная (видовая) специфика локативного отношения (см. подробнее [11]) позволяет в такого рода случаях использовать прилагательные — т. е. слова, специально выражющие атрибутивную функцию — для поверхностного выражения обязательной валентности места.

Любопытно, что, наряду с только что обозначенными группами (а) и (б), имеется небольшая группа имен, которая реализует третью логическую возможность для заполнения именной валентности, а именно — тот случай, когда из двух вариантов (генитив и прилагательное) предпочтением пользуется прилагательное, ср.: *ил*, *рыба*, *улица*, *площадь*, *кремль* — *речной* *ил* (**ил реки*), *московский* *кремль* (**кремль Москвы*), *речная/морская* *рыба* (**рыба реки/моря*) и т. д. Важно, что при таком отличии в способе оформления, валентная структура этих слов описывается такой же схемой (субъектная валентность кореферентна таксономическому классу, объектная валентность отсутствует):

* Кроме того, как мы увидим ниже, есть небольшая группа имен, для которой по некоторым причинам, ограничивающим генитив, предпочтительным способом выражения валентности является отыменное прилагательное.

** Укажем здесь, что в БД есть и два имени с локативной валентностью, демонстрирующие механизм наследования именно локативного способа ее оформления (и запрет на генитив) — но это отлагательные имена *надпись* (*надпись на конверте*, ср. **надпись конверта*) и *отражение* (*отражение в зеркале*, ср. **отражение зеркала*).

Дело здесь в том, что, в принципе, возможность генитивной конструкции для данных слов полностью не исключена, но она влечет за собой необходимость морфологических и синтаксических изменений в словосочетании (например, множественное число или распространенное определение): нельзя сказать **площадь Берлина*, но можно: *площади Берлина* или: *самая красивая площадь Берлина*; нельзя: **улица Москвы*, но можно: *улицы Москвы* или: *самая красивая улица Москвы*; **и реки — и самой глубокой реки* и под. Необходимость таких изменений связана с тем, что “чистое” отношение данного имени к данной локализации либо однозначно определено — как в случае *кремль — город* (в городе только один кремль), либо, наоборот, определено недостаточно — как в случае *улица — город* (в городе слишком много улиц, поэтому установить отношение можно, только “доопределив” улицу, ср. допустимое: *главная улица города*). Что же касается атрибутивной конструкции, то она здесь возможна безо всяких изменений, так как она апеллирует к качественной специфике отношения (*морская рыба* — это прежде всего рыба, отличающаяся от *речной*), которая может иметься как у доопределенного, так и у недоопределенного отношения.

1.2. Имена с запрещенным генитивом (квазидополнители)

Среди имен с единственной свободной локативной валентностью выделяется семантически компактная группа, которую можно было бы причислить к так называемым **дополнителям**. Дополнителями мы называем имена объектов, не являющихся частями, но образующих устойчивое единство с другими объектами (например, *ключ* по отношению к *замку*). В [13] описаны формальные особенности дополнителей в сопоставлении, с одной стороны, с частями, и, с другой стороны, “обычными” именами. В том числе, показано, например, что отношение дополнителя к своему корреляту, в отличие от отношения части к целому, не может быть выражено генитивом, ср. запрет на: **ключ замка* при естественном: *скважина замка*.

Надо сказать, что отношения между дополнителем и его коррелятом в БД отражаются в специальной мереологической зоне (подробнее об этом см. [1]); здесь, однако, наше внимание привлекла группа лексем, которая не была описана этим стандартным для дополнителей способом: *бельмо; образование; налет; опухоль; нарвы; полость*. Перечисленные лексемы не отмечены в Базе как дополнители, потому что, строго говоря, они и не входят в этот класс. Действительно, существенным признаком дополнителя считается отторжимость; так, *ключ* и *замок* или *ковура* и *пистолет* — названия вполне самостоятельных артефактов, существующих и независимо друг от друга, в то время

как *бельмо* не может быть отторгнуто от глаза и физически отдельно от него не существует. Поэтому характерная для дополнителей конструкция с предлогом *от*, которую можно было бы назвать “конструкцией отторжения”, ср. *ключ от замка*, в данном случае невозможна (**бельмо от глаза*). С другой стороны, эти имена нельзя считать и частями, поскольку они обозначают не обязательный компонент соответствующего целого, а скорее “лишний” компонент, от которого желательно избавиться. Поэтому хотелось бы все-таки рассматривать их не как часть организма, а как особый, “временный”, но все-таки дополнитель к нему. Тогда становится понятно, почему локатив этих имен синтаксически выражается, как и у “нормальных” дополнителей, предложно-падежной конструкцией, а генитив запрещен: *бельмо на глазу* (**бельмо глаза*), *нарвы на ноге/в горле* (**нарвы ноги/горла*) и др.

Замечание

Остановимся подробнее на слове *полость*. В словаре Ожегова ему приписано два значения:

(1) ‘внутреннее пространство в животном организме — вместилище органов’.

Это толкование отражает отношение часть/целое (*полость* в этом случае является “законной” частью организма), следовательно, здесь возможна генитивная конструкция: *полость рта, полость живота*.

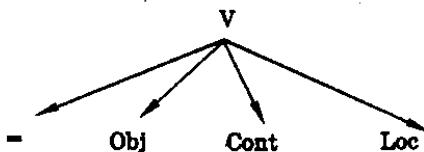
(2) ‘полое пространство внутри чего-либо’.

В этом значении *полость* попадает в разряд ‘временных дополнителей’, что предопределяет предложно-падежное заполнение семантически локативного места, хотя оно и является единственным свободным и синтаксически обязательным, ср.: *полость в зубе*.

Очевидно, что такая многозначность должна быть сохранена в Базе.

1.3. Имена с несколькими свободными валентностями: “конкуренция генитивов”

В этом разделе мы рассмотрим имена, валентная структура которых содержит несколько свободных валентностей. По выборке из Базы в эту группу попали в основном имена занятий и профессий: *журналист, преподаватель, преподавательница, инструктор, учитель, учительница*. Все они имеют в БД по три ограничения, но фактически представляют четырехвалентную структуру (из-за ограниченности формата объектная валентность в БД не представлена):

Первая субъектная валентность не выражается — она кореферентна таксономическому классу; второй в БД становится валентность содержания (Cont), которая поверхности выражается преимущественно генитивом (*инструктор военного дела, преподаватель физики, учитель математики*),

* Заметим, что в точности те же проблемы с генитивом возникают и при маркировании отношения часть—целое: нельзя сказать *ни кос лица* (слишком определенное отношение), ни *палец руки* (“недоопределенное” отношение, а только: *большой/средний палец руки*). Подробнее об этом см. нашу работу [12].

менее регулярно — прилагательным (*спортивный журналист*, при невозможном **физический преподаватель/учитель*) или конструкцией с предлогом *по* (*учитель по математике*).

Замечание

Предлог *по* в этих “валентных” контекстах требует специального исследования: он, как и генитив, является приименным и не наследуется от вставленного предиката. Тем не менее, уже сейчас мы можем сформулировать одно существенное ограничение на его употребление: *по* предполагает выбор из нескольких областей деятельности (или знаний). Ср.: *директор завода*: директор несет ответственность “за все сразу”, поэтому конструкция **директор по заводу* недопустима, между тем заместители директора ответственны каждый за свой участок работы, множество которых и составляет необходимую для предлога *по* зону выбора, так что становится возможно: *заместитель директора по кадрам/по науке/по административным вопросам* и т. д. Ср. также: *учитель по алгебре, инструктор по плаванию, инспектор по финансовым вопросам* и др.

В связи с этим в конструкциях с отлагольными именами часто возникает эффект уменьшения конкретности сообщения, если его тема выражена конструкцией с *по*. Ср. *обсуждение регламента* — это обсуждение всего регламента пункт за пунктом (прямой объект в единственном числе как бы предполагает квантор общности), тогда как употребление чрезвычайно частотной разговорной конструкции *обсуждение по регламенту* означает, что обсуждению подлежит не полностью весь регламент, а какие-то отдельные вопросы (отсюда и неопределенность). Если же обсуждение касалось бы всех вопросов всего регламента, то, как и следовало ожидать, подразумеваемая здесь синтаксическая конструкция типа: “обсуждение → {вопросы} → регламент” выражалась бы с помощью двух генитивов: *обсуждение вопросов регламента*.

Третья, локативная, валентность выражает либо генитивом (*преподаватель МГУ*), либо — отименным прилагательным (*университетский преподаватель, школьный учитель*), т. е., как следует из предыдущих разделов, вполне регулярными для локатива способами.

Однако, в отличие от рассмотренных выше, эти имена обладают способностью поверхностного выражения одновременно нескольких валентностей — а такая ситуация в языке регулируется своими особыми правилами. В целом картину происходящего можно было бы описать так: “старшая” валентность (та, чей порядковый номер меньше) реализуется наиболее регулярным для нее способом, а “младшие” — “приспособляются” к этому и “ведут себя” в зависимости от конкретного поверхностного выражения “старших”. При этом основная задача — избежать дублирования поверхностной маркировки семантически разных валентных мест.

Действительно, при выраженных валентностях Cont и Loc наблюдается следующее:

(1) Если Cont представлен генитивом, то регулярной формой реализации Loc становится предложно-падежная конструкция с предлогами *в* и *на*: *инструктор плавания на турбазе, преподаватель физики в МГУ*. Возможна также адъективная форма представления локатива (*школьный/университетский преподаватель физики*).

* Ср. обширную полемику по поводу так называемого “двойного генитива”, возможного прежде всего в конструкциях типа *таблица элементов Менделеева* (ср. [14]), а также *медведь средней величины* (ср. [15]), но практически исключенного в конструкциях типа **коллекционирование монет профессора*.

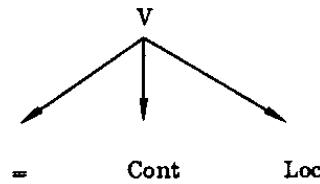
(2) Если Cont выражен прилагательным, Loc может выражаться генитивом (*спортивный журналист “Известий”*), но не прилагательным (**спортивный известинский журналист*).

Имена *учитель* и *инструктор* обладают возможностью поверхностного выражения объектной валентности одновременно с Cont и Loc, например, *учитель Васи по сольфеджио в музыкальной школе*. При этом высшая валентность (субъектная) реализуется наиболее регулярным способом (генитив), остальные — предложно-падежными формами.

Таким образом, у имени, имеющего несколько валентностей, которые по отдельности могут быть выражены генитивом, в случае их одновременной реализации генитив — как способ выражения — оказывается привилегией более старшей валентности (с меньшим порядковым номером), а остальные валентности “вынуждены” подыскивать себе другие способы выражения*. В частности, для Loc, как легко ожидать, наиболее регулярной становится предложно-падежная конструкция с предлогом *в* (о способе реализации валентностей Cont и Object см. ниже).

Замечание

На первый взгляд, сформулированному выше правилу противоречит поведение слов *академия* и *министр*. Их семантическая структура:

тоже содержит две свободные валентности, но генитивом они могут выражаться одновременно: *академия наук Франции, министр торговли и энергетики Российской Федерации*. С нашей точки зрения, такая их особенность связана с тем, что подобные словосочетания возникают из того, что можно было бы назвать “нанизыванием” генитивов, при котором генитивы наследуются от разных предикатов, ср. здесь более подробное семантическое описание слова *академия* 1:

= наука X в стране Y

принадлежать

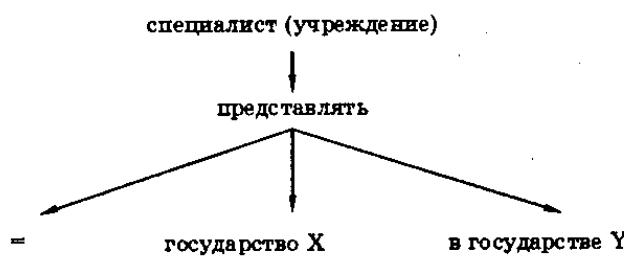
стране Y

Легко видеть, что генитивная конструкция в этом случае используется не только для оформления объектной валентности (*академия наук*), но и посессивного отношения (*науки Франции*).

1.4. Другие имена с локативной валентностью

В данном разделе рассматриваются имена с третьей локативной валентностью, которые (в силу ограниченности анализируемого материала) не объединяются в представительные группы, но демонстрируют любопытные особенности в способах выражения локатива.

(А) *Дипломат* и *посольство*. Эти лексемы обладают валентной структурой:

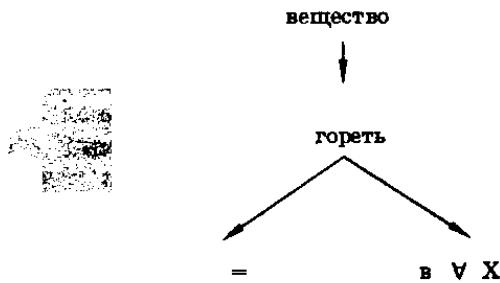

Первая валентность кореферентна таксономическому классу, вторая — выражается генитивом или прилагательным: *дипломат Франции*, *французское посольство*. Особенностью данных лексем является то, что третья валентность реализуется предложно-падежной конструкцией и не может быть выражена генитивом. Ср.:

дипломат России (в значении ‘представитель России’), но:

**дипломат России* (в значении ‘иностранный представитель в России’). Это объясняется тождеством семантических ограничений на вторую и третью валентности: ‘государство X’ (Cont) и ‘государство X’ (Loc), требующей, во избежание омонимии, синтаксических различий в способах поверхностного выражения этих валентностей. Формой совместной реализации валентностей является генитив (или адъектив) для Cont и предложно-именное сочетание для Loc (*дипломат Франции в России*, *французское посольство в Мексике*).

(Б) *Горючее, топливо*. Их валентная структура:

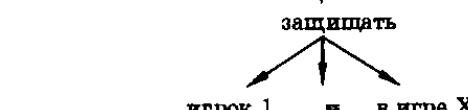

Наряду с адъективной формой (*дизельное топливо*) валентность места поверхности выражается нетипичной (как это следует из всего предшествующего изложения) для локатива предложно-падежной конструкцией с предлогом *для* (*горючее для самолета, топливо для электростанции*), хотя встроенный предикат ‘гореть’ такой сочетаемостью не обладает, ср.: **гореть для самолета*. Это заставляет предположить эффект “склеивания” валентностей места и цели — ведь рассматриваемые

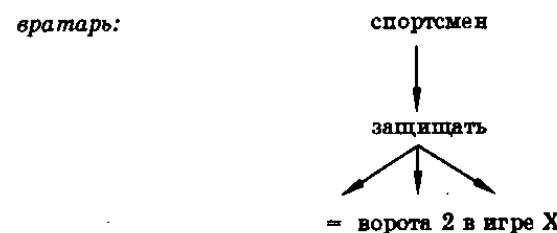
лексемы обозначают вещества-артефакты и поэтому имеют в толковании два встроенных предиката: помимо ‘гореть’, еще и ‘предназначаться’. Поверхностное оформление их кореферентных аргументов наследуется от последнего.

(В) *Ворота 2, вратарь*. Валентная структура:

ворота 2: сооружение

вратарь:

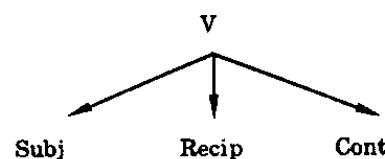

= ворота 2 в игре X

Характерной особенностью этих лексем является то, что семантическим актантом, соответствующим локативной валентности, оказывается имя ситуации. Синтаксически эта валентность не обязательна, поэтому генитив для ее оформления не используется (**ворота/вратарь футбола*). Интересно, что не используется и предложно-падежная форма — **ворота/вратарь в футболе*, — в качестве единственной возможности остается только прилагательное: *футбольные ворота, хоккейный вратарь*.

2. ВАЛЕНТНОСТЬ СОДЕРЖАНИЯ (CONT)

2.1. Лексемы *договор*; *заявление*; *извещение*; *инструкция*; *доклад*; *донес*; *иск* имеют Cont в качестве третьей обязательной валентности и описываются схемой:

(ср., *донес* — ‘текст, в котором некто информирует кого-л. о ком-л./чем-л.’). Все три валентности могут быть поверхностью выражены:

(1) *донес Петра/от Петра* — ‘кем послано тайное обвинительное сообщение’;

(2) *донес Петру/в прокуратуру* — ‘кому направлено это сообщение’;

(3) *донес на Петра/об измене* — ‘о ком/о чем идет речь’.

Наиболее стандартным способом выражения валентности содержания — для всех слов этой группы — является предлог *о*, ср.: *доклад о международной обстановке, извещение о посылке*. (Заметим, что генитив ни при каких обстоятельствах не может выступать в этой роли, ср., **донес измене*

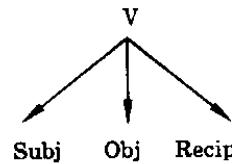
ны; *извещение посылки и др.*.) Менее частотным, но также возможным является предлог *по* (*заявление по вопросу, инструкция по технике безопасности*); в обоих случаях речь идет о наследовании именем синтаксических свойств встроенного предиката типа ‘информировать/сообщать’ (о семантике *по* в этом случае см. п. 1.3. Замечание). Если же в толковании слова появляется дополнительный семантический компонент ‘воздействовать на кого-либо посредством этого документа’ (ср. *донас, рекомендация, анкетка* и т. п., из которых в Базу попала только лексема *донас*), то они наследуют конструкцию с предлогом *на* уже от этого дополнительного предиката, для которого она является естественным способом оформления объекта. Важно, что в таком случае при имени появляется не только нестандартная поверхностно-синтаксическая конструкция, но фактически новая валентность, правда, в значительной степени она дублирует валентность содержания и поэтому не выражается с ней одновременно, ср. **донас на Петра об измене***.

Следовательно, в этой группе, в отличие от локативной, работает процедура наследования валентной структуры и способов ее выражения. Впрочем, заметим, что все слова, составляющие группу, являются отпредикатными (ср. вторую сноску на с. 27, где эффект наследования обнаруживается также у предикатных имен).

2.2. В ту же группу в принципе попадают и лексемы *академия²* и *вуз*, ср., *инструкция* = ‘правило, <в соответствии с которым> некто обучает кого-либо чему-либо’ и *вуз/академия²* = ‘учебное заведение <в котором> специалисты обучают студентов чему-либо’. В их синтаксической схеме не только такие же, как и у других представителей группы, валентности (третьей является валентность содержания), но даже в конечном счете тот же предикат (так как предикат ‘обучать’ ‘семантически родствен’ более стандартному для имен с валентностью содержания предикату ‘информировать’: вообще говоря, ‘обучать’ — это тоже передавать информацию, только особого рода и определенным образом). Различие с остальными представителями группы здесь в том, что две первые валентности у слов *академия²* и *вуз* заняты константами и не подлежат заполнению, — таким образом, эти лексемы оказываются одновалентными в том же смысле, в каком это можно сказать о словах типа *жилец* (см. выше, п. 1.1). Интересно, что и способ выражения этой единственной валентности отражает не ее семантику, а, как становится ясно именно из сопоставления с группой, рассмотренной в разделе 1.1, — ее синтаксический статус: он генитивно-адъективный, ср.: *академия медицины, медицинская академия****.

3. ВАЛЕНТНОСТЬ РЕЦИПИЕНТА (RECIP)

Следующие имена Базы имеют в качестве третьей валентности валентность реципиента (Recip): *бюллетень³; доверенность; долг; наследство; подарок; почтовое отправление; рецепт; стипендия*. Они характеризуются валентной схемой вида:

У всех перечисленных слов объектная валентность кореферентна таксономическому классу и поэтому поверхности не выражается; субъектная валентность выражается беспредложным или предложным генитивом (*подарок бабушки/от бабушки*), а валентность реципиента — получателя — дативом (*подарок бабушке*) или генитивом с предлогом *для* (*подарок для бабушки*). Совместная реализация валентностей сохраняет их стандартную форму выражения (*подарок бабушки внуку*). Трудность, которая здесь возникает, связана с процедурой наследования валентностей встроенного предиката, описание которой требует достаточно детального анализа соответствующей ситуации.

Эта ситуация предполагает передачу какого-либо объекта одним субъектом другому, т. е. одновременно движение объекта и смену посессора. Поэтому она описывается не стандартной формулой, описывающей движение: *от... к*, а конструкцией: *от кого... кому/для кого*, отражающей бенефактивный компонент значения, т. е. ‘зainteresованность’ того субъекта, который служит ‘коучечным пунктом’ передачи объекта, становясь его новым посессором. В соответствии с этим, встроенный предикат обеспечивает наследование предлога *от*, но запрещает предлог *к* (ср. **подарок к бабушке*). Кроме того, поскольку и субъект, и объект (в разное время) оказываются посессорами, каждый из них может быть выражен генитивом (но не оба одновременно, ср. здесь сноску 7), ср. *наследство купца Прянишникова* (которое может быть понято не только как ‘имущество, принадлежавшее купцу <и оставленное наследникам>’, но и как ‘имущество, унаследованное купцом и теперь ему принадлежащее’) или адъективно, ср. *бабушкин подарок* (это и ‘вещь, которую подарила бабушка’ и ‘вещь, подаренная бабушке’). В этих случаях посессивный компонент ситуации ‘заслоняет’ идею перемещения.

Лексемы *доверенность* и *рецепт* полностью подчиняются описанной выше схеме в том, что касается субъекта и реципиента. Их особенностью является существование у них еще одной обязательной валентности, также претендующей на заполнение третьей валентной строки в Базе. Эта валентность оформляется винительным падежом с

* Однако, если выражена качественная специфика объекта, валентность содержания может быть выражена адъективно: *торговый/мирный/договор, отчетный доклад, сквозное заявление*.

** Совершенно так же ведет себя компонент ‘быть предназначенным для’, ср. *заявление для печати*, который при этом совместим с валентностью содержания: *заявление для печати об экономическом положении страны*.

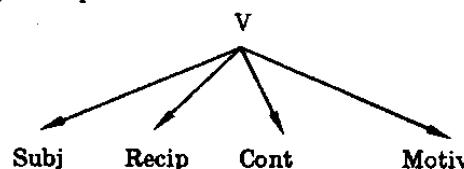
*** Обратим внимание, что при слове *вуз* возможен только адъектив — *медицинский вуз*, но не **вуз медицины*. Причина такого запрета неясна: все видовые имена, которые должны были бы наследовать управление слова *вуз*, генитив, как и положено, допускают, ср.: *университет культуры, институт связи, училище правоведения*.

предлогом *на* (рецепт на сердечные капли, доверенность на машину; ср. также: документы/ордер на квартиру, деньги на новый холодильник* и под.). Семантически эта валентность представляет собой разновидность целевой (как и следует ожидать — ввиду типичного для цели способа оформления), но с очень конкретной семантикой: ‘с целью приобрести *X*’. Она встречается и при глаголах — со значением целевого накопления либо траты ресурсов, ср.: *копить на, одолжить на, откладывать на, заработать на, дать/взять/получить на* и под. (ср.: *взять денег на обед* = ‘взять деньги, чтобы приобрести обед’, *копить на машину* = ‘копить <деньги> на машину’ и под. Обычно такие глаголы предполагают в качестве объекта ‘деньги’, ср. однако, возможность сочетаний типа: *дать/заработать на орехи, зарезать свинью на сало, истратить время на пустые разговоры,пустить бумагу на черновики, судью на мыло и нек. др.***

В свою очередь, имена объектов таких предикатов — если этот предикат встроен в их семантику — наследуют данную валентность. Наиболее характерное из них — имя *деньги*, ср.: *деньги на дом* или *документы и их разновидности: документы на машину, ордер на квартиру*, ср. здесь же: *доверенность на, рецепт на* и др. За пределами денег и документов подобные сочетания в основном окказиональны (типа *оборотки на черновики*), обычно в таких случаях используется конструкция с предлогом *для: оборотки для черновиков, свекла для борща* (*на борщ*) и под.***

4. ВАЛЕНТНОСТЬ МОТИВИРОВКИ (MOTIV)

Валентность мотивировки в нашей выборке представлена у лексем: *алименты, взнос, гонорар, диплом, компенсация, кредит, медаль, награда, налог, орден, пенсия, плата, пособие, ссуда, штраф*. Все перечисленные лексемы являются четырехвалентными и описываются схемой, которую можно считать частным случаем рассмотренной в предыдущем разделе:

Действительно, она также описывает процедуру получения реципиентом от субъекта некоторого объекта — обычно денежной выплаты (ср. *гонорар*,

* Данная валентность легко совмещается в реципиентной, ср.: *доверенность Игорю на бабушкину машину, и даже (хотя и несколько более тяжеловесно): бабушка доверенность Игорю на ее машину.*

** В то же время невозможно, например: **купить корову на молоко* — ввиду нарушения ограничений на семантический класс глаголов.

*** Заметим здесь, что очень близкий к этой конструкции класс представляют имена, валентные на от предикатные со значением ‘*X*, предназначенный чтобы *S₀*’: *капуста на засолку, грибы на сушку* и под. Здесь тоже более каноническим является предлог *для: для сушки, засолки*.

**** Явным исключением здесь выглядит лексема *налог*, управляющая предлогом *на* вместо ожидаемого *за: налог на имущество/ налог за имущество*. Действительно, налог на имущество стандартно должен был бы интерпретироваться ‘как налог, предназначенный для последующего приобретения имущества’ — реально существующая интерпретация ‘налог, уплачиваемый за уже существующее (ранее приобретенное) имущество’ семантически близка к той, которая предусмотрена для *платы/благодарности... за*. Представляется, что здесь сыграло роль морфологическое дублирование предлогом приставки в глагольном управлении (*налагать на кого/что*, ср., например: *налагать пошлину на товары/запрет на производство и под.*, ср. также: *наложить на себя руки*), которое очевидным образом порождено локативной метафорой и наследуется именем.

par, штраф, взнос), но также ордена или др. Тем самым, встроенным предикатом в этой схеме, как и в предыдущей, оказывается предикат смены посессора — типа ‘давать’, ‘платить’, ‘одолживать’. У этого предиката поверхностью реализуются три валентности — *Subj, Recip* и *Motiv*; третья валентность — *Cont* — валентность содержания — кореферентна вершинному имени (ср.: *гонорар — сумма денег; ее кто-то кому-то платит за что-то*), поэтому она не выражается поверхностью и в целях экономии не представлена в БД. Таким образом, в качестве третьей в этой группе выступает на самом деле четвертая — валентность мотивировки (смены посессора). Эта валентность может выражаться одной из трех предложных конструкций: *за+вин.п.; на+вин.п.; по+дат.п.*

Лексемы, имеющие значение вознаграждения за некоторое событие, свершившееся ранее (*гонорар, диплом, компенсация, плата, штраф, награда, орден, медаль*), требуют предлога *за: гонорар за статью/книгу, награда за храбрость/подвиг, плата за электроэнергию/услугу* и т. п. Ср. здесь глагольное управление типа: *платить за, благодарить за, наказывать за* и под.

Лексемы, содержащие целевой компонент ‘деньги, предназначенные для того, чтобы нечто приобрести в будущем’ (ср. *алименты, кредит, взнос, налог, ссуда*), предполагают использование предлога *на* (см. подробнее предыдущий раздел): *кредит на строительство, (очередной) взнос на гараж и под.*****

Для имен *пенсия* и *пособие* регулярным способом реализации валентности мотивировки служит конструкция с предлогом *по*, которая, в отличие от конструкций с предлогами *на* и *за* прямо не наследуется, ср. сочетания типа: *пенсия (пособие) по старости/по инвалидности* (а также: *отпуск по уходу за ребенком/семейным обстоятельствам, неявка по болезни и под.*), в которых ‘старость’ и ‘инвалидность’ не являются ни свершившимися событиями, за которые выдается компенсация (ср. *благодарность за*), ни целью (как в *кредит на*). В данном случае предлог *по* выражает одну из стандартных причин ситуации, ср. здесь конструкцию *по (уважительной) причине*, которая используется и для оформления глагольных сирконстантов (*убежать/испугаться/бросить курить по уважительной причине*). В таком случае для значения предлога *по* здесь также существенна идея выбора из некоторого заданного списка, отмеченная выше (см. Замечание из раздела 3.1): редкие, экстравагантные, случайные причины для

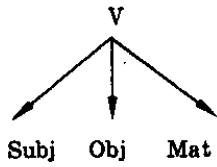
конструкции с по не годятся: *пособие по пожару/по затоплению/по аварии (в таких случаях говорят: в связи с). Кроме того, сами ситуации должны “располагать” к таким “регулярным”, “ожидаемым” причинам: характерно, что предлогом по управляют вполне “бюрократические” имена *пенсия, пособие, отпуск, отгул* — но не (обозначающие менее систематические события) помощь, прогул и др.

Что касается способов поверхностного оформления первой и второй валентностей при именах этой группы — соответственно, субъектной и реципиентной — то здесь действует схема смены посессора, описанная в предыдущем разделе: *гонорар издательства/от издательства→переводчику NN/для переводчика**. Возможно и адъективное оформление субъекта, ср.: *университетский диплом***.

Таким образом, регулярные способы выражения всех валентностей у рассматриваемой группы слов оказываются различны, и они в принципе могут сочетаться друг с другом, ср.: *Обязать кижепоименованных лиц в месячный срок получить пособие Министерства обороны сотрудникам, пострадавшим при пожаре Самарского ГУВД, по инвалидности в ближайшем отделении Сбербанка*.

5. ВАЛЕНТНОСТЬ МАТЕРИАЛА (MATERIAL)

Третью валентность со значением ‘материал’ имеют такие слова, как, например: *блюдо, жир, изделие, каша, кисель, компот, монета, проволока, сало, сок, фарш*. Валентная структура встроенного в их семантическую структуру предиката (~ ‘изготавливать’) содержит кроме валентности материала, валентности субъекта и объекта:

Субъектная валентность у всех этих имен заполняется именем лица (в Базе это выражается ограничителем ‘человек X’), и в тех случаях, когда она поверхностно реализуется, она выражается генитивом: *изделие мастера, фирменное блюдо шеф-повара*. Вторая (объектная) валентность ко-референтна таксономическому классу и, следовательно, поверхностно не выражена. Третья валентность выражается двумя способами — предложно-падежной конструкцией “из + Род. п.” и конструкцией с относительным прилагательным, причем в большинстве употреблений семантическая разница между ними полностью нейтрализуется, ср.: про-

* Этой схеме, комбинирующей, как мы уже говорили, семантику посессивности с семантикой перемещения объекта, не противоречит то обстоятельство, что при имени *склад* неодушевленный адресат интерпретируется как конечная точка и выражается конструкцией “в + вин.п.”

** Заметим, что для слов *медаль, орден, штраф* субъект — в силу единственности и определенности — всегда остается невыраженным.

*** Ср. здесь сочетание *рыбий жир*, которое, как и *бараний бок, свиное сало, телячьи ребра* и под., интерпретируется не как название блюда, а как часть целого, — поэтому невозможно сочетание **рыбный жир*.

**** Ср. здесь противопоставление между *куриный* и устаревшим *курий*, которое, напротив, сохранилось только в “некулинарном” контексте на *куриных ножках*. Слово *куричина* как название мяса в современном русском языке тоже фактически не употребляется.

воловка из меди — медная проволока, компот из яблок — яблочный компот, изделия из кожи — кожаные изделия и под. И все-таки в некоторых контекстах эта разница становится очевидной, а именно: для мясных изделий и блюд и для сока.

Изделия и блюда из мяса в конструкции с предлогом из требуют в качестве материала названия разновидности мяса, ср.: *фарш/котлеты/суп... из баранины/говядины/телятины/крольчатины/оленины/дичи*; при этом возможно: *фарш/котлеты/суп... из курицы/птицы/рыбы/дикого кабана...* (так как в русском языке нет специального названия для мяса этих животных или оно малоупотребительно), но в то же время лучше: *фарш/котлеты... из мяса птицы/дикого кабана...*. Одновременно в этих конструкциях совершенно неприемлемо в качестве материала название животного: **фарш/котлеты... из барана/оленя/свиньи...* в случае четкого лексического противопоставления ‘животное’ — ‘мясо животного’.

Конструкция с прилагательным используется в “кулинарных” контекстах гораздо реже предложной — в частности, “кулинарная” интерпретация невозможна для названий дичи, ср.: **кабаний суп, птичье филе, кроличьи/кроликовы котлеты, львиный фарш* и под. Тем не менее, в более частотной для кулинарии зоне названий животных прилагательные употребляются, ср.: *телячий/куриный фарш/бульон/филе/котлеты*.

Замечание

Эти прилагательные можно считать образованными от названий животных, за исключением *говяжий* и *рыбный*. В случае *говяжий* в русском языке просто нет “хорошего” прилагательного, обслуживающего сразу весь крупный рогатый скот. Случай с *рыбный* более сложный: это прилагательное, хотя и является относительным, не употребляется в стандартном “относительном” контексте, описывающем отношение “часть-целое”. Так, возможно: *коровий/рыбий глаз*, но не: **рыбный глаз, и, с другой стороны, рыбный/рыбий фарш****. Следовательно, несмотря на то, что исходное существительное *рыба* соединяет в себе оба смысла — и ‘животное’, и ‘мясо животного’, — в производных прилагательных эти смыслы оказываются распределены по разным лексемам****. Интересно, что в других прилагательных этой группы — *бараний, свиной* и *телячий* — произошло ровно обратное: смыслы ‘мясо’ и ‘животное’ разведены в существительных (ср. *баран* — *баранина*), а формы прилагательных от этих существительных совпали (*бараний* — и от *баран*, и от *баранина*).

Итак, про прилагательные, как заполняющие валентность материала изготовления мясных блюд, можно сказать, что во-первых, их можно считать образованными от названия животного,

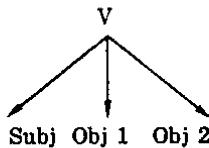
а во-вторых, что зона их употреблений очень узка по сравнению с предложной конструкцией с *из*. В подтверждение последнему утверждению отмечим, что здесь есть ограничения и на животных (отмеченные выше), и на сами блюда. Например, возможно: *суп из говядины/мяса кролика*, но невозможно не только: **кроликовый суп*, но даже и **говяжий/бараний/свиной суп*.

Естественно, возникает вопрос, почему имеется такая разница в употреблении предложной и адъективной конструкций. Однако ясный ответ на этот вопрос позволяет получить анализ несколько иного материала. Рассмотрим сочетание *березовый сок*; почему его, в отличие от подавляющего числа других сочетаний с прилагательными (в том числе и таких, как *яблочный сок*, *виноградный сок*), нельзя преобразовать в предложное **сок из березы* (ср. допустимое: *сок из яблок*, *сок из винограда*)? Дело в том: что предлог *из* предполагает значительный расход материала изготовления, ср. в этой связи пары типа: *салат с крабами — салат из крабов*; *компот с малиной — компот из малины* и под. Если конструкция с прилагательным, как мы уже говорили, акцентирует видовые различия (чем яблочный сок отличается от виноградного и других), то конструкция с *из* показывает переход материала в продукт (ср. здесь использование той же конструкции для оформления исходной точки движения). Но если яблоки действительно расходятся, т. е. *переходят* в сок, то с березой ничего подобного не происходит, — поэтому здесь возможно только прилагательное. Совершенно точно так же нельзя расхodовать на суп барана или свинью — а только мясо барана или свиньи, что и объясняет запрет на **суп из барана и допустимость суп из баранины*.

6. ВАЛЕНТНОСТЬ КОНТРАГЕНТА (CONTRAGENT)

Традиционно под термином **контрагент** (введенном в [16]) понимается активный участник ситуации, в которой действует и субъект, неотличный от субъекта (подробнее см. [10: 127]). При таком определении эта роль оказывается одновременно слишком широкой и слишком узкой. Так, с одной стороны, сюда по определению попадает 'Источник' в ситуации смены посессора (*взял у Петра*), при том, что и семантически, и по способу своего поверхностного оформления он, скорее, сближается с ролью 'Начальной точки движения' (по Ю. Д. Апресяну, или 'Ab'). С другой стороны, идея взаимодействия с субъектом предполагает обязательную одушевленность заполнителя данной валентности — между тем и семантически, и по падежному оформлению, традиционные контрагенты типа <спорить> с Петром естественно отождествлять, например, с неодушевленным <граничить> с полем. Последний тип характерен для небольшой группы имен, которую мы рассмотрим ниже.

6.1. Имена типа: граница 2, граница 3, дистанция, пролив, промежуток, имеющие следующую валентную структуру:

В этой структуре субъектная валентность кореферентна описываемому имени и не выражается поверхностью. Что касается объектной валентности и валентности контрагента, то они могут быть поверхностью выражены, но способ их выражения зависит от семантики встроенного предиката. Так, имена *дистанция*, *пролив*, *промежуток* описывают естественно возникший объект между двумя другими и содержат предикат 'находиться между' — 'то, что находится между X и Z' и поэтому требуют обязательно одновременного выражения объекта и контрагента в наследуемой именем конструкции *между X-ом и Z-ом*.

Так же могут интерпретироваться и имена *граница 2* (ср. *граница между полем и лесом*) и *граница 3* (ср. *граница между Россией и Украиной*). Однако сущности, которые подразумеваются при употреблении слов *граница 2/3*, в то же время являются артефактами, созданными с целью разграничить два объекта — и эта информация должна отражаться в толковании этих слов, — например, с помощью предиката 'разделять' ('чтобы разделять Y и Z'). Поэтому имена *граница 2/3* имеют и другой тип управления объектом и контрагентом (унаследованный от своего второго предиката): они допускают конструкцию *Y с Z-ом или Y и Z: граница России с Китаем, граница поля с болотом; граница России и Китая, граница поля и болота* (ср. здесь запрет на: **пролив Англии с Францией*: **промежуток верхней строки и нижней* и под.).

Существует еще один способ оформления пары 'объект — контрагент', который свойствен — из перечисленных выше — слову *граница 3*. Речь идет о сложных прилагательных, которые описывают межгосударственные (в сочетаниях с другими именами — еще и межъязыковые) отношения: *российско-турецкая граница*. Надо сказать, что это достаточно редкий способ оформления именных аргументов. Он действителен только для очень узкой семантической зоны стран, народов и языков (ср. в этой связи невозможность с *граница 2: поле-болотная граница*) и, судя по обычным контекстам, в которых является приемлемым, выражает их взаимодействие друг с другом, ср., например: *англо-немецкий словарь/перевод; англо-бурская война; грузино-абхазские переговоры/экономические отношения русско-китайская приграничная торговля* и под. Попадая в этот ряд, *граница 3* обнаруживает дополнительный компонент значения по сравнению, например, с *граница 2: граница 3 — 'объект'* (= 'место', ср.: *на границе*), находящийся между территориями стран, чтобы разделять их', но кроме того и 'чтобы осуществлять между ними взаимодействие'.

Замечание

В связи с только что сказанным, обратим внимание на слово *фронт*, семантически довольно близкое к этой группе, хотя и не содержащее ни предиката 'находиться между', ни предиката 'разделять': фронт — это просто место, где находятся передовые части войска во время военных действий. Поэтому нельзя сказать ни: **фронт между Англией и Германией*, ни: **фронт Англии с Германией*. Между тем, передовые части находятся на фронте, чтобы взаимодействовать с противником — следовательно, правомерно ожидать

сочетания имени *фронт* со сложными прилагательными типа *англо-германский фронт*, которые, действительно, оказываются приемлемы.

6.2. Другой, более традиционный, тип контрагента представлен в примерах типа: *лекарство от гриппа*, *экран от излучения*, где способ поверхности оформления контрагента прямо наследуется от встроенного предиката типа ‘защищать’, ср.: *защищать от врагов*. У имен возможен также морфологический способ выражения этой валентности — прилагательным с префиксом *анти-* или *противо-*: *противогриппозное лекарство*, *антирадиационный экран*.

7. ВАЛЕНТНОСТЬ КОНЕЧНОГО ПУНКТА (AD)

7.1 Имена *абонемент*, *билет 1*, *путевка*, *пропуск* и подобные им в своей семантической структуре имеют валентность конечного пункта движения, наследуемую от сложного предиката:

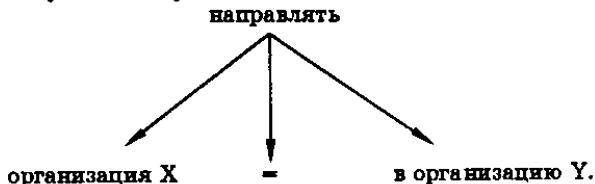

так как они обозначают объекты, дающие право (этому компоненту в БД и в приведенной структуре соответствует маркер “*Perm*”) попасть (т. е. ‘начать находиться’) в некотором месте. Валентность конечного пункта, как и следовало ожидать, выражается конструкцией *в / на + вин.п.*, ср.: *билет в театр / на стадион / в кино*. В той же роли возможны и отыменные прилагательные, акцентирующие качественную специфику “пропуска”: *библиотечный абонемент*, *санаторная путевка*, *театральный билет*.

Первая валентность в этой конструкции не выражается как кореферентная вершинному имени, а вторая интерпретируется одновременно как объектная (и тогда она выражается генитивом или притяжательной формой: *Машин билет*, *пропуска сотрудников Института*) и как адресатная — свойственная предикату ‘разрешать’ (*Perm*)*, — которая выражается дательным беспредложным или с предлогом *для* (*У меня с собой пропуск для вас в Третьяковку*). Между тем, приведенная семантико-сintаксическая конструкция предполагает еще один компонент — цель, мотивирующую стремление владельца пропуска, билета и т. п. стремиться в место *X*. Таким образом, цель оказывается здесь четвертой семантической валентностью. Она выражается при этих именах вполне стандартно — конструкцией *на + вин.п.* (*билет на*

спектакль / на баскетбол / на новый фильм), заполняется обычно именем мероприятия, проходящего в месте (т. е. конечном пункте) *X*, и в принципе сочетается с валентностью конечного пункта, ср.: *билет в Лужники на хоккей*; *билет во МХАТ на “Горе от ума”*. В то же время, функционально третья и четвертая валентности при именах этой группы оказываются вполне взаимозаменимы — поэтому одна из них может опускаться (ожидаемый при этом метонимический сдвиг значения вершинного имени, о принципах которого подробнее см. [17], здесь практически отсутствует**).

7.2. Семантически очень близки к только что рассмотренным имена: *дeлегат*, *дeпутат*, *дeпутация*, *дeлегация*, содержащие встроенный предикат каузации перемещения типа ‘направлять’:

Первая (субъектная) валентность обозначает исходный пункт перемещения и поэтому выражается конструкциями с предлогами *из / с; от* (делегация с завода / из Министерства / от солдатских матерей) и одновременно каузатора перемещения, т. е. субъекта. Последнее мотивирует способность этой валентности быть выраженной генитивом, ср.: *дeпутация Думы*. Вторая валентность не выражается, так как она кореферентна вершинному имени. Интересующая нас третья валентность — конечной точки — опять оказывается семантически связанной с отсутствующей в нашей структуре по чисто техническим причинам четвертой валентностью — валентностью цели, заполняющейся именем мероприятия, более точно — представительного собрания: *дeлегат от завода в министерство / на съезд профсоюзов*.

Интересно, что эта подгруппа, в отличие от предыдущей, имеет возможность выразить данную валентность еще и генитивом: *дeлегат съезда профсоюзов*. Дело в том, что любое собрание соносится со своими участниками как множество и его элементы. Это мереологическое отношение в русском языке стандартно поверхности выражает генитив, ср.: *член нашего коллектива*, *сотрудник отдела* и т. п. Подпадая под это отношение, имена данной группы тоже могут оформляться генитивом, — уже, так сказать, не валентным, а мереологическим.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Материал, рассмотренный в настоящей статье, позволяет утверждать, что предметные имена

* Название для этой валентности выбрано с определенной степенью условности. Дело в том, что в эталонном списке Ю. Д. Апресяна [10: 125–126] имеется две семантические валентности: реципиент, обозначающий получателя объекта (дать кому) и адресат, обозначающий получателя информации (сообщить кому). В русском языке они обе выражаются главным образом беспредложным дательным и представляют, как кажется, одну и ту же валентность в разном “семантическом контексте” (в таких случаях в типологии принято говорить о “гиперроли”). То, что жесткую границу здесь провести нельзя, подтверждают, в частности, глаголы типа *разрешить*, при которых вторая валентность обозначает получателя разрешения что-то сделать, который, хотя, строго говоря, не является ни реципиентом, ни адресатом сообщения, тем не менее, и семантически, и по своему способу выражения (тоже беспредложный дательный) с ними, бесспорно, объединяется.

** То, что никакого сдвига значения не происходит, впрочем, вполне объяснимо: валентность конечного пункта и валентность цели тоже (как валентности адресата и реципиента, см. предыдущую сноску) можно рассматривать как разные реализации одной семантической роли: мы говорим о цели, когда имеем в виду событие, и о конечной точке, когда описываем конкретный объект (место), который тоже является целью — целью движения. Поэтому, когда коммуникативные акценты смешаются и выражена только одна из этих валентностей, на семантическом уровне ничего не меняется. В принципе, можно было бы принять описание, в котором слова этой группы трехвалентны.

обладают валентной структурой, которая, в той же степени, что и валентная структура глаголов, определяет их сочетаемостные возможности. Валентная структура имени “берется” из предиката, который описывает наиболее характерную ситуацию функционирования названного именем объекта: для *лекарство* — это ‘зашщищать / лечить (от болезни X)’, для *студент* — ‘обучаться (в учебном заведении X)’, для *орден* — это ‘получать (в награду за X)’ и т. д. Этот предикат можно представлять как встроенный в структуру предметного имени — тогда его валентности естественным образом наследуются именем, что, в принципе, должно объяснять и поверхностную сочетаемость этого имени — ту, за которую “ответственна” его валентная структура, ср.: *зашщищать от* → *лекарство от; получать в награду за* → *орден за* и т. п. Между тем, в процедуре наследования валентной структуры обнаруживаются две трудности.

Во-первых, способ поверхностного выражения валентности при наследовании ее именем может меняться по сравнению с тем, который свойствен глаголу. Это происходит, в частности, потому, что имя обладает дополнительным инвентарем конструкций: в него входят генитивная, атрибутивная и некоторые другие. Замечательно, что “собственно-именные” способы оформления валентностей конкурируют не только в зоне субъектно-объектных отношений, но и при выборе способа заполнения других именных валентностей — т. е. как раз в той зоне, которая объединена в БД “Лексикограф” под названием Ограничитель 3 и описанию которой посвящена данная работа. Мы показали, что, имея даже и схематичное представление о семантике этих конструкций, можно предсказывать те случаи, когда они будут предпочтительны или возможны.

Во-вторых, имя может быть семантически связано не с одной, а сразу с несколькими ситуациями. Это может объясняться, так сказать, природной лабильностью самого имени: очень часто один и тот же объект имеет несколько функций. Например, *топливо* — это одновременно и вещество, сгорающее в двигателе (*дизельное топливо*), и артефакт, предназначенный для машин различного типа (отсюда *топливо для бронетехники*). Подобная лабильность совершенно невозможна для глагола, жестко связанного с определенной ситуацией. Для имени это, наоборот, чрезвычайно характерно. Лабильность имени проявляется и иначе: одна и та же ситуация, с которой связано имя, может быть “повернута”, сориентирована коммуникативно совершенно по-разному. В глаголе такого рода смещение акцентов дает меню диатезы и сдвиг значения — в лучшем случае, метонимический (подробно об этом см. [17]), ср. *взять от* — *взять у*, но возможен и переход к другому слову, как в парах *купить* — *продать*; *дать* — *получить*, а с именем этого не происходит — значение его нисколько не меняется. Например, слово *подарок* может реализовывать валентные структуры разных предикатов, отражающих разные точки зрения на одну и ту же ситуацию: предиката смены посессора (*подарок от бабушки внуку*) и посессивной кон-

струкции (*бабушкин подарок / подарок внука*). И более того, имя *подарок* может одновременно (!) иметь при себе часть конструкции от предиката приобретения, а часть — от посессивной конструкции (*бабушкин подарок внуку*).

Таким образом, “валентная” сочетаемость предметных имен зависит не только от семантики встроенного предиката и семантики конструкции, которая заполняет валентность, — не последнюю роль играет, как оказывается, и семантическая специфика самого имени. И все-таки в целом, с учетом всех этих факторов и несмотря на ее отличия от глагольной, “валентная сочетаемость” имени оказывается объяснима и предсказуема.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Красильщик И. С., Рахилина Е. В. Предметные имена в системе “Лексикограф” // НТИ. Сер. 2 . — 1992 . — № 9.
2. Кустова Г. Е., Подучева Е. В. и др. Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе “Лексикограф” // НТИ. Сер. 2 . — 1993 . — № 11.
3. Рахилина Е. В. Семантика размера // Семиотика и информатика, 1995, вып. 34.
4. Рахилина Е. В. О цветном и бесцветном // Русистика сегодня, 1995, № 1.
5. Рахилина Е. В. Предметные имена и имена предикатов // НТИ. Сер. 2 . — 1991 . — № 1.
6. Copestake A., Briskoe T. Semi-productive polysemy and sense extension // Lexical Semantics: The Problem of Polysemy. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 15–67.
7. Pustejovsky J. The Generative Lexicon // Computational Linguistics, 1991, 17.4. P. 404–441.
8. Pustejovsky J. The Generative Lexicon. Cambridge (MA): MIT Press, 1996.
9. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка: Опыты семантико-синтаксического описания лексики.— Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 14 . — Вена, 1984.
10. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка // Ю. Д. Апресян. Избранные труды, т. I. М.: ЯРК, 1995 (2-е изд.).
11. Земская Е. А. Относительные прилагательные как конструктивный элемент номинативной системы современного русского языка // Грамматические исследования: Функционально-стилистический аспект. М.: Наука, 1991.
12. Рахилина Е. В. К основаниям лингвистической мереологии // Семиотика и информатика, 1989, вып. 30.
13. Воронцова М. И., Рахилина Е. В. Предметные имена и предложные конструкции // Знак: Сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике.— М.: Русск. учебн. центр, 1994. С. 181–190.
14. Падучева Е. В. Притяжательные местоимения и проблема залога отглагольного имени // Проблемы структурной лингвистики — М.: Наука, 1982.
15. Borschev V. B., Partee B. H. Semantic types and the Russian genitive modifier construction // K. Dziwirz et al. (eds.), Formal Approaches to Slavic Linguistics: The Seattle Meeting 1998. Ann Arbor, 1999.
16. Fillmore Ch. Types of lexical information // F. Kiefer (ed.), Studies in syntax and semantics. Dordrecht: North-Holland, 1969.
17. Падучева Е. В. Метонимические и метафорические переносы в парадигме глагола *назначить* // Типология и теория языка: от описания к объяснению. Сб. к 60-летию А. Е. Кибрика. М.: ЯРК, 1999.

Материал поступил в редакцию 10.09.99